

A warm, dimly lit room filled with vintage leather goods. A hand in a beige sweater reaches towards a pair of brown brogue high-heeled shoes resting on a suitcase. An orange tabby cat sits on a patterned rug, looking up at the hand. The shelves are packed with various leather bags, briefcases, and hats. A floor lamp with a warm glow stands in the background.

Яр Кремень

**Тридцать седьмой размер. Цикл
«Вещи помнят»**

ВЕЩИ ПОМНЯТ

Яр Кремень

**Тридцать седьмой размер.
Цикл «Вещи помнят»**

«Автор»

2026

Кремень Я.

Тридцать седьмой размер. Цикл «Вещи помнят» / Я. Кремень — «Автор», 2026 — (ВЕЩИ ПОМНЯТ)

Они были сшиты в 1980-м на фабрике «Большевичка» для сильных духом. Туфли 37-го размера прошли через три женских судьбы, три эпохи, три жизни. Молодая учительница Анна купила их на первую зарплату, танцевала в них на свадьбе, а после развода спрятала в шкаф, где их нашла маленькая Лена. «Вырастешь – тебе отдам». Лена выросла, унесла туфли в комиссионку, но судьба вернула их – ровно на один год счастья. Она носила их в парк, в кафе, на свидания, танцевала в них под Новый год. А потом упала на скамейке в осеннем парке, и туфли остались стоять рядом. Рыжая кошка Муся, та самая, что приходила к доске объявлений и к мусоропроводу, снова появилась – на этот раз у больничного пакета. А через год в комиссионку вошла девушка, похожая на Лену. «Бабушкины туфли. 37-й размер». Круг замкнулся. Но рыжие волоски на стельках всё ещё блестят. Туфли ждут.

© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ РАЗМЕР	5
1980. Фабрика «Большевичка». Рождение туфель	6
УЧИТЕЛЬНИЦА (1980–1995)	8
Покупка (1980, осень)	8
Уроки (1981–1984)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Яр Кремень
Тридцать седьмой размер.
Цикл «Вещи помнят»
ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ РАЗМЕР
(туфли)

1980. Фабрика «Большевичка». Рождение туфель

Цех гудел. Не громко, а ровно, как улей, — монотонный гул станков, шорох кожи, редкие выкрики мастеров, звон упавших инструментов, шарканье подошв по бетонному полу. Пахло здесь крепко, по-особенному, тем особенным заводским духом, который въедается в одежду, в волосы, в кожу и остаётся навсегда: кожа, дубильный раствор, лак, клей, машинное масло и человеческий пот, въевшийся в стены за долгие годы. Женщины в синих халатах, косынках, с усталыми, но сосредоточенными лицами сидели за длинными столами, каждая на своём месте. Руки их двигались быстро, точно, годами отточенными движениями, почти без участия глаз.

Нина Степановна работала на фабрике сорок лет. Сорок лет — целая человеческая жизнь. Она пришла сюда девчонкой, в сороковом, ещё до войны. Тогда цех был другим, и станки были другими, и люди. Многие умерли, многие ушли, а она осталась. За эти годы её пальцы так привыкли к коже, игле, дратве, что могли работать почти вслепую. Она и работала часто с полузакрытыми глазами, думая о своём. Сегодня был её последний день. Последняя партия перед пенсией. Она не говорила об этом никому, но женщины в цехе знали, поглядывали с уважением и лёгкой грустью. Нина Степановна была лучшей мастерицей, золотые руки. К ней приходили учиться, с неё брали пример. И вот — последний день.

Перед ней на столе лежали раскрытые детали будущих туфель — мягкая телячья кожа коричневого цвета, почти шоколадного. Она взяла кусок, погладила пальцами, проверяя толщину, эластичность, качество выделки. Кожа была тёплой, живой, дышащей. Нина Степановна улыбнулась: за сорок лет она научилась чувствовать материал, как живое существо. Где тонко, где толсто, где может порваться, а где выдержит любую ношу.

— Ну что, красавицы, — прошептала она, обращаясь к заготовкам, как к живым. — Давайте-ка я вас сделаю на славу. Чтоб носилось долго, чтоб радовали, чтоб хозяйкам вашим легко по жизни шагалось.

Рядом на столе лежали инструменты: ножи для раскроя, шилья разных размеров, иглы, клубки дратвы, баночки с лаком и клеем. Всё это было знакомо до мелочей, до последней царапины на рукоятках. Нина Степановна взяла колодку — деревянную, стоптанную, но точную, выверенную годами. Рядом лежали колодки разных размеров — от 35-го до 41-го. Она выбрала 37-й. Этот размер она любила особо — не маленький, не большой, самый женственный. Таким был у неё самой, пока возраст и болезни не изменили ногу. Таким был у дочери. Таким, наверное, будет у внучки, если Бог даст.

Она обернула колодку мягкой тканью, чтобы не поцарапать кожу изнутри, и начала. Работа спорилась. Игла входила в кожу легко, дратва ложилась ровными стежками. Она шила не спеша, с любовью, как будто не обувь делала, а свадебное платье для единственной дочери. Рядом тихо жужжал станок, где другие женщины тачали подошвы, стучали молотками, прибивая каблуки, но Нина Степановна не отвлекалась. Она была в своём мире, где время текло иначе.

Мысли текли медленно, как смола. Вспоминалась молодость, как пришла на фабрику девчонкой, как училась у старой мастерицы Клавдии Петровны — та давно умерла, царство ей небесное. Как познакомилась с мужем, Петром, он работал в соседнем цехе, наладчиком. Как вышла замуж, как родила дочь, как хоронила Петра — не выдержало сердце после инфаркта. Дочь выросла, уехала в город, вышла замуж, родила внуку. Редко звонит, редко приезжает. Всё дела, всё заботы. А Нина Степановна осталась одна. Только работа и спасала. Работа и эти женщины в цехе, ставшие почти семьёй.

Игла мелькала, стежок ложился к стежку. Нина Степановна шила и думала о том, что последние туфли должны быть особенными. Не просто обувь, а талисман. Чтобы той женщине,

которая их наденет, повезло в жизни. Чтобы не знала она горя, чтобы дети рождались здоровыми, чтобы муж любил, чтобы старость была лёгкой.

Она не заметила, как пролетело время. Когда последний стежок был сделан, каблук прибит, подошва приклеена, Нина Степановна отложила инструменты и долго смотрела на готовые туфли. Красивые получились. Ладные, изящные, с небольшим каблукчиком, с аккуратным мыском. Кожа мягко блестела, швы были ровными, незаметными. Она взяла одну туфлю, поднесла к лицу, вдохнула запах — кожи, лака, своего труда, и ещё чего-то неуловимого — может, души.

— Хороши, — сказала она тихо. — На счастье тебе, кто бы ни носил. Чтоб не жали, чтоб вели по жизни твёрдо, но мягко.

Она перекрестила туфли — старый, давний жест, которым всегда провожала свою работу в люди. Потом завернула их в мягкую бумагу, уложила в картонную коробку. На крышке поставила штамп: номер партии, дату, размер. А потом взяла простой карандаш и на уголке, почти невидимо, вывела: «37 — для сильных духом».

Пусть никто не увидит, пусть никто не прочтёт. Она будет знать. И туфли будут знать.

Через час коробка отправилась на склад, в общую стопку таких же коробок. Там они пролежали несколько дней, пока не набралась полная партия. А потом грузовик с брезентовым верхом повёз их в город, в комиссионный магазин на улице Кирова.

Магазин был старый, с высокими потолками и скрипучим паркетом. Здесь пахло пылью, старыми вещами, чужими духами и нафталином. На полках теснилась обувь всех мастей — новые туфли, носки, ботинки, всё вперемешку. Продавщица, полная женщина с аккуратной химической завивкой, в тёмном платье и белом фартуке, распаковывала новую партию. Она работала здесь лет двадцать и уже по звуку коробки могла определить, что внутри.

— О, 37-й, — сказала она, разглядывая коробку и достав туфли. — Редкий размер. Такие быстро разбирают. Красивые, ладные. Кто-то с душой делал.

Она поставила туфли на витрину, на самое видное место, повернула их так, чтобы свет лампы падал на кожу, подчёркивая блеск. Туфли стояли, поблёскивая, и ждали. Первый раз в своей жизни они видели мир — прилавок, очередь у кассы, тусклый свет ламп дневного света, суетливых покупателей. Им было любопытно и немного страшно. Кто будет их хозяйкой? Молодая или старая? Добрая или злая? Богатая или бедная?

В углу магазина, на старом продавленном диване, дремала рыжая кошка. Она была хозяйкой этого места, жила здесь уже несколько лет. Звали её Муся. Кошка открыла глаза, зевнула, показав розовую пасть и острые зубки, потянулась, выгнув спину, и лениво прыгнула на пол. Подошла к витрине, понюхала коробку, потом ткнулась носом в туфли. Шерсть её оставила на гладкой коже несколько рыжих волосков — первый знак, первая метка.

Муся посмотрела на туфли своими зелёными глазами, помурлыкала что-то одобрительное, как будто благословляя, и пошла дальше, по своим кошачьим делам. Она знала: хорошие туфли, правильные. Долго пролежат, дождутся свою хозяйку.

Туфли остались на витрине. Ждать. Они ещё не знали, что пройдут через многие руки, через многие судьбы, что станут свидетелями любви и разлуки, счастья и горя. Они ещё не знали, что их ждёт долгая жизнь.

Но ждать они умели.

УЧИТЕЛЬНИЦА (1980–1995)

Покупка (1980, осень)

Осень в тот год выдалась золотая. Листья клёнов горели багрянцем, тополя роняли пух, асфальт был усыпан жёлто-красным ковром, шуршащим под ногами. Пахло сыростью, дымом от костров, где жгли листву, и бензином от проезжающих машин. Анна Ивановна, двадцати двух лет от роду, только что получившая диплом и распределение в школу, шла по улице Кирова и смотрела на витрины.

Она была счастлива. Это чувство распирало грудь, поднималось к горлу, хотелось петь или смеяться без причины. Первая зарплата — целых сто десять рублей — лежала в кошельке, новенькими купюрами, пахнущими типографской краской и чуть-чуть — кожей самого кошелька, подаренного мамой на окончание института. Анна сжимала сумочку, чувствуя тепло денег сквозь дерматин, и улыбалась прохожим. Сегодня можно позволить себе что-то особенное. Не просто хлеб и молоко, а настоящую покупку, о которой потом будешь вспоминать.

Нужны были тёплые сапоги — зима не за горами, а те, что есть, прохудились ещё в институте. Она представляла, как войдёт в обувной магазин, примерит коричневые сапожки на каблуке, покрутится перед зеркалом и скажет: «Беру!» Это будет её первый взрослый поступок, первая самостоятельная трата.

Она зашла в комиссионку на углу. Магазин был старым, с высокими потолками и скрипучим паркетом. Здесь пахло пылью, старыми вещами, чьими-то чужими судьбами. Анна прошла мимо вешалок с пальто, мимо стеллажей с посудой, мимо витрины с часами, которые давно не ходили. В обувном отделе было тихо, только продавщица перебирала коробки.

И тут Анна увидела их.

Туфли стояли на витрине, на самом видном месте, отдельно от других. Коричневые, из мягкой телячьей кожи, с изящным мыском и небольшим каблукчиком — ровно таким, чтобы нога не уставала, но походка становилась женственной. Они поблёскивали в свете лампы, как драгоценность. Анна остановилась, замерла. Сердце ёкнуло, где-то в горле пересохло.

— Девушка, присматриваетесь? — подошла продавщица, полная женщина с аккуратной химической завивкой и добрыми глазами.

— Да, — выдохнула Анна, не в силах оторвать взгляд от туфель.

— Красивые, правда? — продавщица тоже посмотрела на них с любовью. — Сама бы взяла, да размер не мой. Редкий, 37-й. Такие не каждый день привозят.

— А сколько? — спросила Анна, уже зная, что это дорого.

— Сорок пять рублей, — сказала продавщица. — Дорогие, но посмотрите, какая кожа, какая работа. Это не фабричный ширпотреб, это почти ручная работа. Наша мастерица, Нина Степановна, перед пенсией делала. С душой.

Анна растерялась. Сорок пять — почти половина зарплаты. Она представила, как будет жить до следующей получки: хлеб, картошка, макароны, никаких чулок, никакой помады. Но туфли манили. Они смотрели на неё с витрины, обещали что-то важное, что-то такое, чего у неё никогда не было.

— Можно померить? — попросила она, уже зная, что не уйдёт без них.

Продавщица достала туфли, подала, осторожно, как драгоценность. Анна села на низкую скамеечку, сняла свои старенькие босоножки — стоптанные, с облупившимся лаком, купленные ещё в институте. Надела правую туфлю. Кожа была тёплой, мягкой, облегла ногу, как

влитая. Пальцы чувствовали лёгкость, свободу, тепло. Нигде не жала, нигде не болталась. Анна замерла, боясь дышать.

Потом надела левую. Встала, сделала шаг, другой. Каблуки мягко стукнули по паркету — в первый раз в своей жизни. Звук был чистым, звонким, как первый аккорд. Туфли почувствовали это. Они ощутили тепло её ноги, пульс крови, дрожь волнения. Кожа ожила, впитала в себя её надежду, её счастье. Эти туфли стояли на витрине долгие недели, их мерили разные женщины, но никто не подходил. То жали, то болтались, то просто не нравились. А тут — идеально. Как будто для неё и шили.

— Беру, — сказала Анна твёрдо, и голос её не дрогнул.

Продавщица улыбнулась, завернула туфли в бумагу, уложила в коробку. Анна отсчитала деньги — три красных десятки, пятерка и три рубля мелочью. Кошелёк опустел, но на душе было легко и радостно.

Она вышла из магазина и пошла по улице, глядя на своё отражение в витринах. Туфли мягко стучали по асфальту, в такт её шагам. Листья шуршали под ногами, пахло осенью, и Анна чувствовала себя невероятно красивой, взрослой, счастливой. Она не знала тогда, что эти туфли пройдут с ней через всю жизнь, что они станут свидетелями её любви, её счастья, её горя. Но в этот момент она была просто счастлива.

Она остановилась у витрины гастронома, посмотрела на своё отражение. В тёмном стекле стояла молодая женщина в строгом пальто, с туфлями, которые делали её ноги изящными и лёгкими. Анна улыбнулась себе и пошла дальше.

Уроки (1981–1984)

Утро. Школа № 14, сталинская постройка, с высокими потолками, широкими коридорами и запахом казённого мыла, которым мыли полы. Гул детских голосов, топот, смех, звонок, звенящий пронзительно и требовательно. Анна Ивановна входит в класс, ставит сумку на стол, поправляет очки. На ногах — те самые туфли. Они уже стали привычными, почти родными. Кожа чуть потемнела, стопталась, но всё так же мягко облегла ногу.

Туфли стояли за кафедрой, пока Анна объясняла падежи, склонения, спряжения. Они чувствовали, как она нервничает перед новым классом, как перебирает пальцами указку, как поправляет очки, когда кто-то из учеников отвечает неправильно. Они запоминали скрип мела по доске — резкий, противный звук, от которого, казалось, вибрировали подошвы. Иногда мел крошился, падал на пол, и туфли ощущали эти крошки — мелкие, белые, как снег.

Запахи. Класс пахнет по-разному: утром — свежестью и духами, которыми побрызгались старшеклассницы; после второго урока — потом и жвачкой; после обеда — булочками из столовой, которые проносили тайком. Туфли впитывали все эти запахи, запоминали их, как страницы дневника.

Ученики смотрели на туфли. Особенно девчонки. Они разглядывали их украдкой, перешёптывались. Туфли чувствовали эти взгляды — любопытные, завистливые, восхищённые. Они стояли ровно, не скрипели, не жали, гордясь своей хозяйкой. Однажды девочка с первой парты, отличница Смирнова, не выдержала и спросила:

— Анна Ивановна, а где вы такие туфли купили? Очень красивые.

Анна смутилась, но ответила:

— В комиссионке. Случайно увидела и влюбилась.

Класс захихикал, но Анна строго посмотрела поверх очков, и все замолчали.

Однажды случилось ЧП. Петров, рыжий мальчишка с веснушками, ученик, от которого вечно пахло кошками и махоркой, принёс двойку за диктант. Анна расстроилась. Она топнула ногой — резко, с досадой. Туфли почувствовали её горечь. Это было странное ощущение — не боль, а что-то другое, щемящее. Как будду в кожу впиталась её обида, её разочарование. Каблук чуть сильнее ударил в пол, и вибрация прошла по всей подошве, по каблуку, по стельке. Туфли запомнили этот момент. Они знали, что их хозяйка — не просто строгая учительница, а живой человек, который переживает за каждого своего ученика, за каждую ошибку.

Петров потом подошёл после уроков, мялся у двери, долго молчал. Потом выдал:

— Анна Ивановна, я выучу. Честно.

Туфли слышали это сквозь стоптанный каблук. Они почувствовали, как Анна смягчилась, как напряжение ушло из ног.

— Иди, Петров, — сказала она. — Верю.

Вечерами Анна сидела за столом, проверяла тетради. Сняв туфли, она ставила их рядом с кроватью. Они стояли в темноте, слушали, как за окном шумит ветер, как тикают часы на стене, как Анна вздыхает над ошибками в диктантах, как шелестит страницами классного журнала. Иногда она гладила их рукой, усталой и тёплой. Туфли впитывали это тепло, запоминали его. В такие моменты они чувствовали себя нужными, важными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.